

УДК 808.2
ББК 81.2Рус

СПОСОБЫ СЛОВАРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗА

Е.И. Роголева

Выявлены и рассмотрены различные способы словарной интерпретации фразеологического образа в современных фразеологических словарях. Характеризуются особенности словарной разработки образно-мотивирующего макрокомпонента фразеологического значения в учебных фразеологических словарях. Приводятся авторские способы репрезентации фразем с «парадоксальной» образностью.

Ключевые слова: учебная фразеография, фразеологический образ, способы словарной интерпретации, этимологический словарь, словарная статья.

В современных фразеологических словарях [1; 5; 6; 16; 17] особое место уделяется словарной разработке образно-мотивирующего макрокомпонента фразеологического значения. Это обусловлено квалификацией понятия образности как ключевого для фразеологии, ибо фразеологизмы возникают по преимуществу на образной основе [12, с. 134–145].

Анализ лексикографических пособий [1; 5; 6; 16; 17] позволил нам выявить способы репрезентации фразеологического образа, используемые составителями словарей в разных параметрических зонах словарной статьи. В данной работе мы ограничимся рамками зоны толкования и этимологизации фразеологизма.

Отличительной чертой «Фразеологического объяснительного словаря русского языка» [17] является оригинальный способ толкования идиом, при котором раскрывается их значение, с учетом образной составляющей семантики – метафоры. Таким образом, авторы посредством словарного толкования реализуют свою концепцию репрезентации внутренней формы идиомы, указание на которую может быть эксплицитным и имплицитным [2, с. 190].

Техника эксплицитного отражения внутренней формы фразеологической единицы (ФЕ) в дефиниции предполагает наличие семантических операторов типа «сопоставимо с X-ом», «как бы X», «напоминает X», «воспринимается как X», «вызывает представление об X-е», «точно так же, как X», «ассоциируется с X-ом», «может быть объяснено как X», «аналогично X-у», «интерпретируется как X», вводящих в разных вариантах идею «возможного мира» (операторы возможного мира), сопоставления двух сущностей (контрастивные операторы), указания на ассоциации (дескриптивные операторы) и т. п.

При имплицитной технике представления внутренней формы соответствующая семантическая информация, не выделенная особым маркером, распределяется между различными элементами толкования. К имплицитным способам выражения образной составляющей относится техника, раскрывающая следствия из метафоры, лежащей в основе образа (например, в идиомах (*и не пахнет, конца не видно*) следствия из метафоры *восприятия* описаны как ‘невозможность обнаружения чего-либо’), перифраз внутренней формы (то есть перевод в толковании нестандартного способа указания на что-либо в стандартный) и использование родовидовых отношений между толкованием и внутренней формой толкуемой идиомы.

Приведем примеры эксплицитного (1) и имплицитного (2) представления внутренней формы ФЕ из «Фразеологического объяснительного словаря русского языка»:

(1): ИГРАТЬ В КОШКИ-МЫШКИ (с кем-л.). Делать что-л., скрывая свои истинные намерения, напоминая поведение участников детской игры, в которой один участник должен поймать остальных [17, с. 246].

(2): НИ ЗА КАКИЕ КОВРИЖКИ (не делать что-л.). Не делать или отказываться делать что-л. при любых возможных предложениях, предполагающих вознаграждение, *столь же соблазнительное, как и вкусная еда* [там же, с. 220].

Однако чаще в словаре встречаются более сложные толкования:

ВИТЬ ВЕРЕВКИ (из кого-л.). Без применения силы, преимущественно на основе практического знания законов человеческой психологии добиваться от кого-л. желаемого, даже если это заведомо противоречит его интересам, что описывается как полное отсутствие собственной воли у объекта манипулирования, *сходное с податливостью гибкого, мягкого материала, которому можно придать любую нужную форму* [там же, с. 59].

ВЫЙТИ СУХИМ ИЗ ВОДЫ. Оказавшись в опасной ситуации, во многом (а то и полностью) обусловленной собственными действиями, нарушающими те или иные общественные нормы и правила, что становится известным, избежать наказания за содеянное, *уподобившись человеку, способному сделать невозможное и противоречащее известным физическим законам* [там же, с. 73].

Как справедливо отмечают А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский, «экспликация образа в толковании не идентична этимологии идиомы; это разные феномены» [2, с. 12]. Не случайно при лексикографической этимологизации фразеологизма в отдельной параметрической зоне статьи используются другие способы интерпретации фразеологического образа.

Например, в лингвострановедческом словаре «Русские фразеологизмы» [16] реализуется такой способ словарной разработки фразеологического образа, как группировка фразеологизмов вокруг образного компонента, создающего этнокультурный фон и обычно

называющего какую-либо специфическую русскую реалию – предмет одежды, национальное блюдо, народную игру, древнюю меру веса и т. п. Этот стержневой компонент этимологически разрабатывается и объединяет несколько словарных статей:

ГРОШ – вышедшая из употребления старинная русская монета достоинством в 2 копейки (XVII–XVIII вв.); затем словом «грош» стали называть монету в полкопейки; в переносном смысле «грош» – очень маленькая сумма: *ни гроша за душой; ни за грош; гроша медного (ломаного) не стоит* [16, с. 129].

КАЛАЧ – белый (пшеничный) хлеб, который имеет форму висячего замка с дужкой, сверху посыпан мукой, пресный на вкус, особенно хорош к чаю: *тертый калач; калачом не заманишь* [там же, с. 193].

ФУНТ – русская единица веса (409,5 г), которой пользовались до 1918 г.: *не фунт изюму; знать/узнать почем фунт лиха* [там же, с. 163].

Еще одним фразеографическим способом, позволяющим читателям глубже понять образную основу фразеологизма, является сведение авторами культурной информации отдельных статей в особый тематико-идеографический указатель, который при общей строго алфавитно-стержневой структуре словаря оказывается «обобщенной типологией внутренней формы описываемых в нем фразеологизмов» [10, с. 117].

Образность идиом в полной мере раскрывается и в масштабном проекте «Русская фразеология: Историко-этимологический справочник» [5], представляющем читателю особенности механизмов русского фразеологического образования. Одним из способов репрезентации образности ФЕ здесь является интерпретация фразеологического образа в терминах тропов, то есть как образа метафорического и метонимического:

Хоть топор вешай. Неодобр. Невыносимо душно, накурено; совершенно нечем дышать. <...>

Оборот построен на прозрачной метафоре: ‘воздух в помещении настолько плотен, что способен удерживать даже тяжелый топор’. Гиперболистический образ создает сильную экспрессию фразеологизма [5, с. 693].

Для репрезентации образной структуры фразеологизма в процессе фразеологизации

словосочетания применяется и разработанный В.М. Мокиенко метод структурно-семантического моделирования [11]. Приведем фрагменты словарных статей.

Скроить (дать) треуха. Прост. *Ударить по затылку, по уху; избить.* <...>

Образным стержнем оборота является слово *треух*, которое в Словаре В.И. Даля определяется как «теплая шапка с тремя отпусными лопастями на бока и затылок». Здесь же дано и другое значение слова – «заушина, оплеуха, пощечина». В отличие от свободного словосочетания фразеологизм имеет другую форму компонента: *треуха*, которая появилась под влиянием структуры фразеологического оборота *дать тумака, дать дуба* [5, с. 698].

Тянуть котá за хвост. Прост., неодоб.
1. *Нудно говорить, медлить с ответом, вызывая у кого-либо раздражение, недовольство.*
2. *Слишком долго делать что-л., оттягивать время.* <...>

Фразеологизм возник распространением глаг. *тянуть* в том же значении, что и в оборотах той же модели: *тянуть канитель, тянуть время, тянуть резину*. «Наращивание» именных компонентов и создание образной «картинки» возвращает глаголу его конкретное значение, а переносное значение получает все сочетание [там же, с. 252].

Авторы «Большого фразеологического словаря русского языка» [6] используют комплексный способ репрезентации фразеологической образности. В данном проекте успешно воплощается многоуровневая модель словарной интерпретации образа фраземы. Так, в собственно культурологическом комментарии (отдельная зона словарной статьи) рассматриваются:

1) соотнесенность образа фразеологизма в целом или отдельных его компонентов с древнейшими пластами культуры: архетипическими противопоставлениями; мифологическими представлениями об устройстве мира; конкретными текстами мифов; ритуалами (в том числе – их рефlekсами – обычаями, обрядами, оберегами и т. п.); а кроме того – с библейскими слоями культуры;

2) соотнесенность образа фразеологизма в целом или его компонентов с фольклорно-литературными источниками;

3) соотнесенность образа фразеологизма в целом или его компонентов с кодами культуры;

4) соотнесенность образа фразеологизма в целом или его компонентов с видами тропов;

5) соотнесенность образа фразеологизма в целом или его компонентов с «языком» культуры, то есть указание на ту роль, которую выполняет образ фразеологизма в целом или отдельные его компоненты как знаки языка культуры;

6) типы текстов (дискурса), где зафиксирован как типичный или продуктивно функционирует фразеологизм;

7) образные аналоги (эквиваленты, близкие по смыслу устойчивые выражения и под.) в других языках.

Приведем пример культурологического комментария из словарной статьи *Как баран на новые ворота*:

Образ фразеологизма восходит к анимистическому, одушевляющему зооморфный мир представлению. Фразеологизм связан также с архетипическим понятием «иной».

Компонент **баран** соотносится с зооморфным кодом культуры, совокупность компонентов **новые ворота** – с вещным и временным кодами культуры.

В основе создания фразеологизма лежит эталонизация глупости. Такое свойство человека, как неумение разобраться в неожиданно возникшей ситуации, уподоблено свойствам, которые человек «приписал» **барану**, – тупости, ограниченности.

Сравнение глупого человека с объектами зооморфного мира основано на представлении об инаковости дурака, о его иной ипостаси (*Айраптян В. Русские толкования. М., 2000.*) Этим обусловлено сравнение дурака с деревом (*глуп как бревно, дубина стоеросовая, пенек с ушами* и др.), с животными (*глуп как сивый мерин [как осел, как осетр, как гусь, как индийский петух* и др.]). См. также в фольклоре: *Умница как попова курица; По образу как я, а по уму свинья; Поймешь дурака речи – поймешь и свиное хрюканье; Стал, как бык, и не знаю, как быть* и др.

Фразеологизм в целом является эталоном интеллектуальной неразвитости, тупости человека [6, с. 290].

Способы репрезентации образности ФЕ в учебных фразеологических словарях должны разрабатываться с учетом адресата и на основе учета принципа научной достоверности, недооценка которого приводит к многочисленным недочетам, что особенно характерно для детских фразеологических словарей [7;

13–15]. В этом плане объектом особой критики является фразеологический словарь для начальной школы «Учусь понимать образные выражения» [14].

Не ставя своей целью дать детализированный анализ данного фразеологического источника, отметим типичные ошибки автора при словарной разработке фразеологического образа. Пытаясь толковать метафору, Г.М. Ставская в ряде случаев также использует метафорическое выражение, которое не проясняет механизма фразеологического образования. Зачастую не учитывается и характер прототипа, подвергающегося фразеологизации, и конкретные механизмы фразеологического образования, основанные на метафорическом переосмыслении, метонимическом переносе, алогических лексико-семантических связях компонентов и др.

Словарная интерпретация мотивирующей образности ФЕ и конкретных механизмов фразеологического образования с учетом фактора адресата является одной из задач нашего лексикографического проекта. В ходе создания фразеологического словаря под названием «Занимательные этимологические истории для детей» нами разрабатываются способы лексикографического представления образности ФЕ, которая создается за счет двупланового восприятия фразеологизма в виде «параллельно идущих потоков информации» [9, с. 130], как совмещенное видение двух явлений – того, которое обозначается прототипом и складывается из суммы прямых значений компонентов, и того, которое передается переносным фразеологическим значением [4, с. 47].

Особого внимания составителей требует словарная разработка фразеологизмов (идиом), мотивационный макрокомпонент которых представлен образом-парадоксом.

Одним из способов репрезентации «парадоксальной» образности, «в основе которой лежит некое ошеломляющее допущение или невероятное несоответствие» [3, с. 6] в нашем словаре стала текстовая стратегия доказательств «от противного» с опорой на художественно-графические иллюстрации (предметные и сюжетные картинки, серии сюжетных картинок, фотографии, репродукции с картин, схемы и др.).

Приведем пример лексикографической разработки фразеологизма *после дождичка в четверг*. «Формула невозможного», на основе которой он построен, выводится в несколько этапов. Это обусловлено спецификой процесса фразеологизации свободных словосочетаний с актуальной деривационной и неактуальной мотивирующей базами (терминология В.И. Коваля), где для выявления мотивирующей базы фраземы нужны дополнительные сведения, имеющие внеязыковой характер [8, с. 12].

ПОСЛЕ ДОЖДИЧКА В ЧЕТВЕРГ

Неизвестно когда; вообще никогда.

Говорится в шутку.

Если ты мечтаешь стать всемирно известным ученым и получить Нобелевскую премию, то эта словарная статья для тебя. Сейчас ты будешь учиться проверять научные гипотезы. Тебе нужно будет делать записи, рисовать схемы, а главное – рассуждать вслух. Готов?

Вот наш фразеологизм: *после дождичка в четверг*. Почему же у него развивается такое значение – «неизвестно когда» или «вообще никогда»? Может быть, потому что после дождичка не может быть четверга? Такое предположение, требующее проверки, и называется гипотезой.

Представим нашу гипотезу в виде схемы:

ПОСЛЕ ДОЖДЯ → ЧЕТВЕРГ = НЕВОЗМОЖНО, НЕРЕАЛЬНО

Теперь воспользуемся известным в науке методом доказательства «от противного». Если после дождичка в четверг – это что-то невозможное, неверное, то возможным и верным будет обратное: после четверга в дождичек.

ПОСЛЕ ЧЕТВЕРГА → ДОЖДЬ = ВОЗМОЖНО, ВЕРНО

Скажешь, что за ерунда? Какая разница, дождь после четверга или наоборот? Но именно здесь и скрыто решение загадки. Ведь мы имеем дело не с простым выражением, а с фразеологизмом! Итак, приступаем к доказательству.

Чтобы убедиться в том, что дождь должен следовать за четвергом, а не наоборот, нужно вернуться в далекое прошлое. В этом тебе поможет волшебный клубочек и лента времени. (В статье дается рисунок: на «ленте времени» записаны годы от 900 до 2100 с промежутками в 100 лет. От точки, примерно указывающей на 2009 г., тянется маленькая ниточка к клубку.)

Посмотри, где находится узелок. Это наше столетие. Год, в котором мы сейчас живем, напи-

ши под узелком и беги за клубком в прошлое, а мы останемся здесь и будем тебе помогать из нашего времени.

Итак, клубок привел тебя в 980 год. Отметь его на ленте времени. Сосчитай, на сколько лет назад ты переместился? Сейчас ты в столице Древней Руси – городе Киеве. Смотри, на крутом высоком холме недалеко от княжеского дворца стоят 6 деревянных статуй (кумиров, идолов). Они изображают древних славянских богов. Посмотри, как этих богов изобразила наша художница. (Изображения богов расположены в таком порядке:

Верхний ряд: Стрибог, бог ветра; Перун, бог грозы и грома; Мокошь, богиня воды, дождя (плодородия); Семаргл, бог огня и Луны.

Нижний ряд: Хорс, бог Солнца; Дажьбог, бог Солнца.

– Назови имя самого главного бога славян, если известно, что он был покровителем грома и молнии.

Ответ (перевернут): Действительно, наши предки особенно чтит среди своих богов главного бога – Перуна. Ему-то и был посвящен один из дней недели – **четверг**.

Теперь определи, сколько статуй богинь стояло на холме? Правильно, единственным женским божеством была Мокошь, жена Перуна – богиня плодородия, воды и дождя, имя которой связано со словами *мокнуть*, *мокрый*. Днем, когда древние славяне почитали Мокошь, была **пятница**.

А теперь возьми за кончик нитки и, сматывая ее в клубок, возвращайся к нам.

Итак, тебе удалось собрать много материала. Сейчас ты будешь, как говорят ученые, обобщать или делать выводы.

Дополним наши схемы:

ПОСЛЕ ЧЕТВЕРГА (Перуна, ГРОМА) → ДОЖДЬ (Мокошь, ПЯТНИЦА) = ВОЗМОЖНО, ВЕРНО

ПОСЛЕ ДОЖДЯ (Мокоши, ПЯТНИЦЫ) → ЧЕТВЕРГ (Перун, ГРОМ) = НЕВОЗМОЖНО, НЕРЕАЛЬНО

А теперь давай рассуждать.

Если пятница – день Мокоши, день воды и дождя, то после дождика, то есть после пятницы, не может следовать четверг (а должна следовать суббота). Отсюда и значение фразеологизма: *после дождика в четверг* – «никогда, неизвестно когда».

Поздравляем! Тебе удалось подтвердить нашу с тобой гипотезу и вывести фразеологическую формулу невозможного. (Кстати, по этой формуле построены и другие фразеологизмы со значением «никогда»: *когда рак на горе свистнет*, *когда курица петухом запоет*.)

– Наш фразеологизм имеет и более полный, но менее известный вариант: *После дождика в*

четверг на сухую пятницу. Докажи, что в нем дважды используется формула невозможного.

Ответ (перевернут): 1) с дождиком и четвергом – понятно, а если нет, перечитай еще раз историю происхождения этого фразеологизма; 2) сухая пятница – по мнению древних славян, это тоже невозможно, ведь пятница – день Мокоши, богини воды и дождя, а значит, она не может быть сухой.

Итак, фразеологизм *после дождика в четверг* построен по формуле невозможного и связан с языческими верованиями наших предков. Древние славяне считали четверг днем Перуна, бога грома и молнии, а пятницу – днем Мокоши, богини воды и дождя. Именно об этом, пятничном дожде и идет речь во фразеологизме. А четверг после пятницы – это и есть та «невозможность», на базе которой развивается фразеологическое значение «никогда».

Вот так путешествие в 980-й год помогло нам раскрыть историю происхождения фразеологизма *после дождика в четверг*.

Текстовая стратегия доказательства «от противного» как способ словарной интерпретации образности ФЕ используется нами и для оборотов *выходить/выйти сухим из воды*, *кот наплакал, семь пятниц на неделе*, *за семь верст киселя хлебать*.

Данный способ словарной интерпретации фразеологической образности позволяет адресату обнаружить рассогласованность между ситуацией, представленной внутренней формой, и значением идиомы. Неожиданность, «абсурдность» соотношения между ними создают экспрессивность подобных фразеологизмов и вызывают у адресата сильные эмоции в связи с тем, что он преодолевает барьер парадокса при осознании фразеологического значения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко, Н. Ф. Фразеологический словарь: культурно-познавательное пространство русской идиоматики / Н. Ф. Алефиренко, Л. Г. Золотых. – М. : ЭЛПИС, 2008. – 472 с.
2. Баранов, А. Н. Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М. : Знак, 2008. – 656 с.
3. Береснева, А. В. Структурно-функциональные особенности парадоксальных высказываний в немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Береснева Александра Владимировна. – М., 2009. – 18 с.
4. Бирих, А. К. Словарь русской фразеологической терминологии / А. К. Бирих, С. С. Волков,

Т. Г. Никитина ; под ред. В. М. Мокиенко. – München : Otto Sagner Verlag, 1993. – 136 с.

5. Бирих, А. К. Русская фразеология : ист.-этимол. справ. / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – М. : Астрель, 2005. – 926 с.

6. Большой фразеологический словарь русского языка: Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. – М. : АСТ – ПРЕСС КНИГА, 2009. – 784 с.

7. Волина, В. В. Фразеологический словарь / В. В. Волина. – СПб. : Дидактика Плюс, 2001. – 256 с.

8. Коваль, В. И. Образование фразеологических единиц и фразеологический анализ : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Коваль Владимир Иванович. – М., 1982. – 18 с.

9. Коралова, А. А. Характер информативности фразеологических единиц / А. А. Коралова // Сб. науч. тр. / МГПИИЯ им. М. Тореца. – М. : МГПИИЯ им. М. Тореца, 1980. – Вып. 168. – С. 120–134.

10. Мокиенко, В. М. О тематико-идеографической классификации фразеологизмов / В. М. Мокиенко // Словари и лингвострановедение / под ред. Е. М. Верещагина. – М. : Рус. яз., 1982. – С. 108–121.

11. Мокиенко, В. М. Славянская фразеология : учеб. пособие для вузов по специальности «Рус. яз. и лит.» / В. М. Мокиенко. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 1989. – 287 с.

12. Назарян, А. Г. Фразеология современного французского языка / А. Г. Назарян. – М. : Высш. шк., 1987. – 288 с.

13. Розе, Т. В. Большой фразеологический словарь для детей / Т. В. Розе. – М. : Олма-Пресс, 2005. – 224 с.

14. Ставская, Г. М. Учусь понимать образные выражения: фразеологический словарь : пособие для учащихся нач. шк. / Г. М. Ставская. – М. : Дрофа, 2002. – 224 с.

15. Ушакова, О. Д. Почему так говорят : фразеол. словарь школьника / О. Д. Ушакова. – СПб. : Литера, 2004. – 96 с.

16. Фелицына, Ф. П. Русские фразеологизмы : лингвострановед. слов. / Ф. П. Фелицына, В. М. Мокиенко. – М. : Рус. яз., 1990. – 220 с.

17. Фразеологический объяснительный словарь русского языка / А. Н. Баранов [и др.]. – М. : Эксмо, 2009. – 704 с.

MODES OF DICTIONARY INTERPRETATION OF IDIOMATIC IMAGERY

E.I. Rogalyova

Different modes of idiomatic image interpretations in contemporary phraseological dictionaries are considered. The author characterizes peculiarities of lexicographic elaboration of the image-bearing motivational macro-component of the idiomatic meaning in learner's phraseological dictionaries. The modes of phraseme representation of «paradoxical» imagery are suggested.

Key words: learner's phraseography, idiomatic image, modes of dictionary interpretation, etymological dictionary, (word) entry.